

ДАРОВАННЕ

Была пора, когда ее сравнивали с великими предшественницами. Сегодня надобность в параллелях отпала — истинное дарование требует для себя мерок, им самим созданных. И все же в сравнениях был определенный резон, потому что своим творчеством народная артистка РСФСР Наталья Бессмертнова как бы связывала эпохи балетного театра.

Ослепительной вершиной сияет мастерство Анны Павловой. Наследницей ее славы стала несравненная Галина Уланова. Заблестал талант Майи Плисецкой. Времена сжимаются. Когда Плисецкая царила в «Дон Кихоте», танцую пламенную Китри, в одной из картин появлялась третьеклассница Наташа Бессмертнова. Сегодня имена Майи Плисецкой и Натальи Бессмертновой стоят рядом на афише Большого театра. О Бессмертновой пишут как о наследнице великих традиций русского и советского балета.

Она, дочь врача, окончила Московское хореографическое училище в 1961 году. С самого начала ей прочили большое будущее и не ошиблись.

В сценическом облике Бессмертновой полноправно уживаются самые разные стихии, иногда противоположные: невесомая бестелесность романтического танца и упругая энергия современной виртуозности; лирика трепетных прикосновений и чувства сильные, страстные. И почти всегда загадочная неуловимость, та прекрасная мера недосказанности, которая может родиться лишь тогда, когда художнику есть что сказать в искусстве. Естественное и полное подчинение балетной техники содержанию и неповторимости роли — одна из самых ярких и определяющих особенностей творческого дара актрисы.

Едва начав работать в Большом театре, Наталья Бессмерт-

нова доказала, что палитра ее возможностей широка и многокрасочна. Она заставила говорить о себе после первой же значительной роли — в фоккинской «Шопениане», которую балетмейстер задумал как памятник романтическому, тальониевскому балету. Сам Фокин говорил, что для понимания сокровенного смысла в этом балете необходимо особое душевное свойство. Что говорить, не у каждой танцовщицы есть это душевное свойство. Не случайно «Шопениана» при всей кажущейся простоте так сложна для исполнения. И содержание и форма этой маленькой поэмы посвящены красоте. И вот тут-то проявился несравненный романтический дар танцовщицы, заставившей увидеть в Сильфиде Бессмертновой будущую Жизель.

Сегодня полимира знает ее Жизель. Она танцевала ее в Америке, в Англии, во Франции, в ФРГ и в Австрии. Танцевала с белградской, будапештской, софийской, висбаденской, токийской труппами. Парижская академия танца, пригласившая Бессмертновой в 1970 году премию Анны Павловой, назвала ее Жизель шедевром. Для Бессмертновой «Жизель» стала спектаклем, который не только еще ярче раскрыл очарование ее романтического дара, но и показал, что ему чужда неземная отрешенность. Романтизм не был конечной точкой поисков балерины. Он был началом иных чувств, иных художественных обобщений. Можно восхищаться воздушной легкостью танца Бессмертновой-селянки, с содроганием внимать ее пластически совершенной сцене безумия, но это все еще экспозиция к тому образу, который вырастает из соединения контрастных полюсов — романтичности и трагичности. Две стези Бессмертновой, две

границы ее мастерства сплавляются в «Жизели» в безошибочном единстве.

Любовь испокон веку была основной темой балетного спектакля. Но никогда не остается одинаковым и постоянным зрительское восприятие. Наверно, потому так трогает искусство Натальи Бессмертновой, что в нем вместилось так много от сегодняшнего дня, его тревожной динамики, мечты о гармонии. И как бы ни были удалены ее образы от нашего дня во времени, в них всегда ощущается нервная и обостренная современность.

И тот образ любви, который от роли к роли воссоздает на сцене Бессмертнова, чужд однозначности, предугаданности, успокоенности. Пожалуй, самый светлый и лирический в ее репертуаре балет — «Щелкунчик» Чайковского. При всем многоцветье красок, используемых балериной в «Щелкунчике», преобладающая — радость, упоение красотой жизни.

А в «Спартаке» Арама Хачатуряна Фригия — Бессмертнова не только жена предводителя восстания рабов Спартака, она и женщина, для которой свобода быть с любимым тоже вызов миру, построенному на власти золота и силы оружия. Она разделяет судьбу героя, и будто сама совесть Спартака пульсирует в напряженном танце балерины; напряженном по чувству, мысли, развитию.

Всех ролей не перечислишь, но нельзя не сказать о самой последней — Анастасии, жены царя Ивана Грозного, в одноименном балете, поставленном Юрием Григоровичем на музыку Сергея Прокофьева. Кажется бы, к этой роли балерина подошла, уже раскрыв свое дарование в полном блеске: и в романтичности «Шопениана-

ны» и «Жизели», и в строгой классичности и академичности «Лебединого озера» и «Спящей красавицы», и в острой экспрессии современной хореографии «Легенды о любви» и «Спартаке», и в драматической подробности и эпичности «Ромео и Джульетты», и в бравурности «Дон Кихота». Но Анастасия в «Иване Грозном» стала новым откровением, потому что в ее характере так много русской, национальной определенности, расправности и самоотверженности, душевной красоты и чистоты.

«Росинка чистоты» — так написал о ней однажды зарубежный критик. Очень верно, если понимать под этим еще и предельную искренность чувств. Бессмертнова, давно уже ставшая звездой первой величины, по-прежнему выходит на сцену, будто впервые в жизни. И это волнение не дебютантки, а истинного художника, остающегося один на один со зрителем, а значит, и с самим собой.

Все то, что было, что пережито и понято, подчинено сегодня одной мечте, новой роли в балете «Ангара». Не считая спектаклей текущего репертуара, три часа утром и три часа вечером балерина занята на репетициях нового балета на музыку Андрея Эшпая. Впервые Юрий Григорович ставит балет на современном материале, и героями его будут люди наших дней, молодые сибиряки, прообразами которых стали персонажи известной пьесы «Иркутская история» Алексея Арбузова. Какой предстанет перед зрителем новая героиня Бессмертновой? Она была современной в любой из своих ролей и сама диктовала им свои условия. Теперь условия диктует сама роль.

Александр АВДЕЕНКО.